

[Архив публикаций]

19 апреля 17:56

Вадим Венедиктов. «МОСКОВСКИЙ ВАТИКАН»: к 70-летию интронизации Патриарха Сергия (Страгородского). Часть первая

Автор - историк, кандидат исторических наук

Широкомасштабное празднование семидесятилетия Сталинградской битвы в России весьма гармонично вливается в другой достопамятный юбилей. Осенью того же 1943 года было восстановлено патриаршество в РПЦ МП. И.В. Сталин, лично курировавший данный процесс, окрестил воссозданную им православную церковную структуру «Московским Ватиканом». Предстоятелем этой Церкви был избран патриарх Сергий (Страгородский). Его патриаршество было самым коротким (8 месяцев) за всю историю Московского патриархата с 1589 года вплоть до наших дней. Но как Патриарший местоблюститель он фактически 18 лет управлял Церковью (с декабря 1925 года он приступил к исполнению обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, а 22 декабря 1936 года усвоил права и обязанности Местоблюстителя патриаршего престола).

Удивительная политическая гибкость этого церковного иерарха проявлялась во всем его жизненном пути, полвека из которого пришлось на царское время.

Восхождение церковной звезды

Иван Николаевич Страгородский родился в 1867 году в священнической семье в Арзамасе. На втором году жизни маленький Иван со старшей сестрой-погодкой потеряли мать. Детство брата и сестры прошло в ограде Алексеевского монастыря, где священствовал их отец. В годы учебы в стенах Петербургской духовной академии (1886 – 1890) об Иване сохранились следующие сведения: «По своему внешнему виду Иван Страгородский не был особо примечательным среди студентов: высокий, худощавый, немного неуклюжий, в очках и с непослушными волосами... Он обладал прекрасным басом, и новые товарищи были буквально очарованы, когда он в первый же вечер запел народные песни и особенно духовные стихи калик перехожих».

Решение принять монашество сформировалось у Ивана под настойчивым давлением академического инспектора архимандрита Антония (Храповицкого).

Церковная карьера 23-летнего иеромонаха складывается весьма стремительно. После недолгого служения в Японской православной миссии иеромонах Сергий переводится в Московскую духовную академию инспектором. В 27 лет Сергий – архимандрит и настоятель русской посольской церкви в Афинах. С 1895 года – магистр богословия. В тридцать лет – помощник начальника Православной духовной миссии в Японии. С 1899 года молодой архимандрит утверждается в северной столице сначала ректором Петербургской духовной семинарии, а с 1901 года – ректором СПбДА. В том же году становится епископом. В 34 года стать архиереем – не каждому удавалось в дореволюционной России. Историк С.Л. Фирсов, рассуждая о карьерном взлете будущего патриарха, замечает: «Есть все основания предполагать, что молодой епископ прекрасно разбирался во всех тонкостях “церковной политики”... Сергий всей своей карьерой доказал, что он весьма прагматичен и «политичен». Именно это обстоятельство и явилось залогом столь успешной его карьеры. Он прекрасно разбирался в направлении политических “ветров”».

В 1901-03 гг. молодой архиерей председательствовал на петербургских религиозно-философских собраниях. Весьма любопытное впечатление о нем составил философ Василий Розанов: «Очень любили и уважали епископа Сергия (Страгородского). Он был прост, мил, всем был друг. Я думаю, с “хитрецей” очень тихих людей».

В 1903 году епископ Сергий представил Григория Распутина архимандриту Феофану (Быстрову), который и познакомил со «старцем» высший свет Петербурга. В течение ряда лет Сергий оказывал «старцу» покровительство.

В октябре 1905 года Сергий назначен на Финляндскую кафедру. Архиерейский дом Сергия в Выборге стал местом политического убежища некоторых революционеров. Во «Владимирских епархиальных ведомостях» (№ 31, 1917 г.) приводится трогательная история взаимоотношений архиепископа Сергия с М.В. Новорусским. Освобожденный в октябре 1905 года из Шлиссельбурга несостоявшийся “цареубийца” (вместе с А.И. Ульяновым готовил в свое время покушение на Александра III) «нашел на первых порах себе приют и ласку у высокопреосвященного Сергия, бывали у него с доверием и другие шлиссельбуржцы». Примерно в это же время Сергий произносит, пожалуй, самую загадочную фразу за всю свою архипастырскую деятельность: «Не секрет, что светское общество относится к нам – лицам духовной среды – почти как к евреям, настолько ему чуждо все, что касается церковных (теперь сословных) интересов и дел. В минуты опасности, таким образом, церковная власть окажется страшно изолированной и потому бессильной защитить церковное достояние».

История белого клобука

Митрополичий белый клобук пятидесятилетний архиерей получил на Поместном Соборе 1917-18 гг. сразу же после интронизации Патриарха Тихона (Белавина) в ноябре 1917 года. Поместный Собор, начавший свою работу под многолетие «богохранимому Временному правительству», закончил ее в совершенно других – враждебных – условиях. В начале двадцатых годов в государственных делах Советов и всей большевицкой партии верх взяла «чекистская линия». Православная Церковь оставалась под неусыпным наблюдением ВЧК. В марте 1921 г. следователи ВЧК обнаружили в патриаршей канцелярии благодарственное письмо Сергия статс-секретарю Римского Престола кардиналу Гаспарри от 1919 года. Автор письма благодарил Римскую Церковь за ее призыв к советским властям «прекратить гонения на представителей Православной Церкви». Митрополит был немедленно арестован. В отношении него началось расследование. Под стражу был взят и Патриарх Тихон. Но заключение Сергия длилось недолго.хлопотать за него взялся лишенный архиерейского сана Владимир (Путята). По его просьбе и под его поручительство «о лояльности Сергия» А.В. Луначарский письменно просил Ф.Э. Дзержинского отпустить митрополита, намекая на возможность использовать его в «советских целях».

В июне 1922 года митрополит Владимирский и Шуйский Сергий (Страгородский) совместно с архиепископами Евдокимом (Мещерским) и Серафимом (Мещеряковым) публично признает обновленческое Высшее церковное управление в качестве единственной канонически законной верховной власти («меморандум трех»). Благодаря этому воззванию произошел массовый отток верующих в обновленчество. Впрочем, пребывание Сергия в обновленчестве было недолгим. После т.н. «разбойничьего собора» обновленцев весной 1923 года Сергий намеревается вернуться в патриаршую (тихоновскую) Церковь. После обращения Патриарха Тихона в Верховный суд РСФСР с заявлением о своих «контрреволюционных деяниях» и последовавшим освобождением Патриарха с помещением в Донской монастырь – покаянные чувства митрополита,

безусловно, усилились. 27 августа 1923 года, в канун Успения, митрополит Сергей принес публичное покаяние в соборе Донского монастыря. Вслед за Сергием принес покаяние и Серафим (Мещеряков).

После возвращения к «тихоновцам» Сергей назначается на Нижегородскую кафедру. После кончины Патриарха Тихона в апреле 1925 года 6-е отделение секретно-оперативного отдела ОГПУ, возглавляемое Е.А. Тучковым (кличка «Игумен»), воспротивилось новому курсу церковной политики, проводимому Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром (Полянским). Завещание Тихона, по мнению спецслужбистов, нуждалось в корректировке. Судьба митрополита Петра была решена на заседании Антирелигиозной комиссии в декабре 1925 года. Собранные ОГПУ улики были определены как достаточные для ареста Местоблюстителя «явно враждебного Соввласти».

В связи с арестом митрополита Петра вступало в силу новое распоряжение о возложении временных обязанностей Заместителя Местоблюстителя. В распоряжении Петра были указаны три кандидатуры – митрополита Сергия (Страгородского), митрополита Киевского Михаила (Ермакова) и архиепископа Ростовского Иосифа (Петровых). Реакция митрополита Сергия на поворот событий была молниеносной. 14 декабря в Москву пришло письмо из Нижнего Новгорода, в котором Сергей просил уведомить архиереев о его вступлении в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя по поручению митрополита Петра. Однако власти не дали Сергию разрешения на выезд в Москву. По плану ОГПУ на место «вакантной» патриаршей кафедры был намечен григорианский раскол (по имени Екатеринбургского архиепископа Григория (Яцковского)). Ситуация еще больше запутывается, когда в начале июня 1926 года с разрешения ОГПУ выходит на свободу митрополит Ярославский Агафангел (Преображенский), законный кандидат на Патриарший престол в соответствии с завещанием Патриарха Тихона. Для Сергия исторический момент истины. Он принимает решение вступить в контакт с ОГПУ с просьбой о легализации «тихоновской Церкви» в лице Заместителя Местоблюстителя.

Параллельно с подачей в НКВД заявления о легализации высшего церковного управления в церковных кругах рождается несколько авантюрная идея провести избрание Патриарха путем письменного опроса епископата, в том числе и находившихся в ссылке и заключении архиереев. К ноябрю 1926 года были получены ответы более чем семидесяти опрошенных архиереев. Большинство высказалось за митрополита Казанского Кирилла (Смирнова) – первого из числа иерархов по тихоновскому завещанию. ОГПУ очень быстро разоблачило этот своеобразный, говоря современным языком, архиерейский флешмоб. Митрополита Сергия обвинили в организации «незаконного сбора подписей епископов, а также в «незаконной» переписке с заграничным духовенством. В конце ноября Сергей был вновь арестован и наконец-то доставлен в Москву... на Лубянку.

<http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=1615>.

МЫСЛИ: Вадим Венедиктов. «МОСКОВСКИЙ ВАТИКАН»: к 70-летию интронизации Патриарха Сергия (Страгородского). Часть вторая

"Глухие тридцатые"

В начале 1927 года в церковной политике советских спецслужб были несколько смещены акценты. Советское государство готовилось отметить свое десятилетие. Нужно было продемонстрировать лояльность ко всем церковным институтам страны. В первую очередь к РПЦ. На тот момент наиболее подходящей кандидатурой – "лицом"

Патриаршей Церкви – в поле зрения ОГПУ был находящийся в московской тюрьме митрополит Сергей (Страгородский).

В конце марта 1927 года митрополит Сергей был освобожден из заключения. Создается Временный Священный Синод (просуществует до 1935 года). 29 июля 1927 года Сергей и восемь членов Священного Синода, среди которых и будущий Патриарх архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), подписывают "Послание пастырям и пастве" (т.н. "Декларация 1927 г."), в которой заявлялось: "Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи...". М.В. Шкаровский замечает: "В Декларации некоторых православных заделали слова, расцененные как свидетельство перехода с позиций лояльности и аполитичности на позицию внутренней духовной солидарности с властью... Для значительной части духовенства и мирян она оказалась неприемлемой ни при каких обстоятельствах".

8 апреля 1929 года ВЦИК и СНК РСФСР принимают постановление "О религиозных объединениях" (действовало вплоть до начала 90-х годов). Начинаются "глухие тридцатые".

19 февраля 1930 года митрополит Сергей дал интервью иностранным корреспондентам (опубликовано в "Известиях"), в котором отрицал дискриминацию Церкви в СССР, а также преследования за веру, называя всех заключенных епископов, священников и мирян уголовными преступниками. За это выступление власти "щедро наградят" Сергия выпуском "Журнала Московской патриархии" с 1931 по 1935 гг. В декабре 1936 года в связи с официальным объявлением о кончине митрополита Петра (Полянского) группой архиереев из ближайшего окружения Сергия был принят Акт о передаче прав и обязанностей Местоблюстителя Патриаршего престола к заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию. На самом деле митрополит Петр был расстрелян в октябре 1937 года. К 1938 году церковная организация оказалась в основном разгромлена.

К этому времени кроме Местоблюстителя оставались на свободе лишь три служащих архиерея: митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич) и архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский). Еще несколько епископов пребывали "на покое" или в должностях настоятелей храмов. Например, в Красноярске на положении ссыльного жил епископ Лука (Войно-Ясенецкий), работая главным хирургом-консультантом городских госпиталей. В это же время набирает обороты катакомбное (тайное) движение православных общин.

С осени 1939 года ситуация меняется. В течение 1939-40 гг. к СССР присоединены страны Прибалтики, западные Беларусь и Украина, Бессарабия и Северная Буковина. В состав населения СССР вошло свыше 7 500 000 православных верующих, организованных в неразгромленные епархии и приходы. Сразу в несколько раз возросло число правящих архиереев. Советское государство создает видимость некоторой религиозной толерантности в стране.

Интересное свидетельство о встрече с Патриаршим Местоблюстителем оставил осенью 1939 года епископ Пантелеимон (Рожновский), служивший до этого в бывших польских владениях. Отправляясь осматривать московские церкви, митрополит Сергей прошептал на ухо епископу: "Владыко, помолитесь прежде, не я вас везу храмы осматривать, а нас везут... Куда нас везут, сам не знаю". Епископ Пантелеимон, прибывший на эту встречу из Западной Беларуси, был просто потрясен. Весьма показательным, что даже весной 1941

года у митрополита Сергия вновь стал преобладать пессимизм во взглядах на текущие церковные дела. Так, в мае он сказал заехавшему к нему по дороге из ссылки о. Василию Виноградову: "Раньше нас душили, но, по крайней мере, исполняли свои обещания. Теперь нас продолжают душить, но обещаний своих больше не исполняют".

"Московский Ватикан"

22 июня 1941 года, в день всех святых, в земле Российской просиявших (празднование этого переходящего праздника в Неделю 2-ю по Пятидесятнице было установлено в августе 1918 года на Поместном Соборе Православной Российской Церкви), Германия напала на Советский Союз. Митрополит Сергий отреагировал тут же посланием о защите Отечества. В своем обращении местоблюститель ни разу не упомянул ни Советский Союз, ни его правительство. Он писал: "Мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охвативший почти весь земной шар, до нас не дойдет..." (как бы в упрек советским властям, еще в июне 1941 года уверявшим, что войны не будет). Известно, что И.В. Сталин смог обратиться к народу только на двенадцатый день после начала войны. Поэтому, как замечает М.В. Шкаровский, "о каком-нибудь давлении властей на Патриаршего Местоблюстителя при написании им первого военного послания говорить не приходится".

РПЦ МП активно включилась в патриотическую деятельность. В советских документах можно встретить самые разные суммарные цифры патриотических церковных взносов в годы войны – от 50 млн. до 10 млрд. рублей. По подсчету самой патриархии, к лету 1945 года было собрано более 300 млн. рублей.

Эвакуация религиозных организаций Москвы в Ульяновск совпала с праздником Покрова (14 октября 1941 года). В одном вагоне встретились в день отъезда из Москвы представители Московской патриархии, обновленцев, старообрядцев и других христианских конфессий. Ульяновский затвор митрополита Сергия продолжился до конца августа 1943 года. 31 августа митрополиты Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич), встречавшие Сергия на Казанском вокзале, сообщили ему, что "компетентные органы" предложили встречу со Сталиным. Новость была воспринята с большим воодушевлением.

После победы под Сталинградом в начале февраля 1943 года Сталин и его ближайшее окружение пришли к решению приступить к нормализации государственно-церковных отношений. По предположению М.В. Шкаровского, "инициатива этого поворота всецело принадлежала председателю Совнаркома". Уже с июля 1943 года начались оживленные переговоры работников НКГБ с представителями Московской патриархии – митрополитом Николаем (Ярушевичем) и управляющим делами протоиереем Н. Колчицким. Параллельно с этим велась подготовка к осенней Тегеранской конференции. Планировалось усиление воздействия на союзников – Великобританию и США – через снятие многих обвинений СССР за религиозные преследования. Кроме того, уже весной 1943 года Сталина стал беспокоить вопрос о будущем разделе сфер влияния в Европе. В июне 1943 года специальное постановление Государственного комитета обороны "Об утверждении мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР" впервые отнесло религиозные организации за рубежом к категории интересов советской внешней разведки. Из чего следует, что активная вербовка духовенства к осени 1943 года шла по всем границам и фронтам зон влияния СССР. Таким образом насаждалась новая церковная политика Сталина – политика примирения и компромисса через сотрудничество с "органами".

С Московским патриархатом были связаны и более глобальные планы утверждения его первенства в православной ойкумене. М.В. Шкаровский называет эти планы вождя превращением РПЦ МП в своеобразный "Московский Ватикан". Известные антисоветские выпады папы Пия XII лишь способствовали глобальным церковным планам вождя. Как показывают исследования О.Ю. Васильевой, Сталин хотел "сильного православия". Противоборство двух "ватиканов" за господство в христианском мире продолжится вплоть до созыва II Ватиканского собора в 1962 году, когда курс церковной политики "красного папы" Иоанна XXIII коренным образом стал отличаться от политики его "атлантистского" предшественника.

Для "нормализации" церковно-государственных отношений в начале сентября 1943 года был создан "независимый" государственный орган при Совете министров СССР – Совет по делам Русской Православной Церкви. Возглавил Совет полковник госбезопасности, чекист со стажем Георгий Григорьевич Карпов. По верному признанию М.И. Одинцова, "к сожалению, мы по-прежнему очень мало знаем об этом человеке, волей судьбы оказавшемся в сложной, противоречивой, а временами и трагичной ситуации".

"Историческая встреча"

В начале сентября церковные инициативы вождя стали реализовываться на практике. Днем 4 сентября 1943 года в Кунцево на Ближней даче Сталина состоялось совещание с участием Г. Маленкова, Л. Берии, представителей НКГБ (присутствовал и Г. Карпов). Стоит отметить, что по устному заявлению Э.И. Лисавцева (инструктор ЦК КПСС по религиозным вопросам в 1960-80-х гг.) историку М.В. Шкаровскому там же присутствовал и патриарший местоблюститель Сергей (Страгородский). Именно на этом совещании и были решены все вопросы "религиозного возрождения" в СССР. Итоги обсуждения были подведены на ночном официальном приеме в Кремле.

Кремлевская встреча митрополитов Сергея, Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) со Сталиным и В.М. Молотовым в буквальном смысле покрылась мифами и легендами, несмотря на то, что в Государственном архиве Российской Федерации сохранилась запись этой "исторической встречи", сделанная Карповым.

Самый популярный вариант описания этой встречи неоднократно переписывался во многих церковно-исторических статьях со слов известного советского публициста и диссидента Анатолия Левитина-Краснова, который, в свою очередь, ссылался на митрополита Николая (Ярушевича), "поведавшего ему" об интересных особенностях той встречи. Так, по свидетельству Левитина-Краснова, митрополит Сергей "заговорил спокойно, слегка заикаясь, деловым тоном человека, привыкшего говорить о серьезных вещах с самыми высокопоставленными людьми. Когда Сталин был семинаристом, митрополит Сергей был уже в сане епископа, ректором Петербургской духовной академии. Митрополит указал на необходимость широкого открытия храмов, количество которых совершенно не удовлетворяет религиозные потребности народа. Он также заявил о необходимости созыва Собора и выборов Патриарха. Наконец, он заявил о необходимости широкого открытия духовных учебных заведений, так как у Церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Здесь Сталин неожиданно прервал молчание: "А почему у вас нет кадров?" - спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексей и Николай смутились..., всем было известно, что кадры "перебиты" в лагерях. Но митрополит Сергей не смутился. Старик ответил: "Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза". Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: "Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о Вас". Затем он стал вспоминать

семинарские годы... Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником. Разговор диктатора с митрополитом принял непринужденный характер. Затем после чаепития началась деловая беседа, затянувшаяся до трех часов ночи. В ней, помимо Сталина и Молотова, участвовали также технические эксперты. Беседу эту можно назвать в полном смысле этого слова исторической... В конце беседы престарелый, больной митрополит был страшно утомлен... Сталин, взяв митрополита под руку, осторожно, как настоящий иподиакон, свел его по лестнице вниз и сказал ему на прощание следующую фразу: "Владыко! Это все, что я могу в настоящее время для Вас сделать".

Священник Георгий Эдельштейн указывает на то, что эта устная легенда Левитина-Краснова - не более чем очередная "развесистая клюква", она является отредактированной версией рассказа многолетнего ответственного секретаря "Журнала Московской патриархии" А.В. Ведерникова.

Ярким подтверждением тому, что кремлевская встреча семидесятилетней давности весьма мифологизирована, является и недавняя публикация "апокрифа" известным политологом Станиславом Белковским, согласно которому, "Сергий Страгородский явился на встречу с вождем в светском платье, а не в епископском облачении. На что лукавый слушатель семинарии со своим фирменным акцентом спросил местоблюстителя: "Меня – боишься, Его (Господа Бога) – не боишься?" По словам Белковского, "подлинность этой сталинской реплики экспериментально не установлена. Но слова вождя вполне могли стать девизом РПЦ МП – перетяжку с таким текстом стоило бы вывесить у ворот официальной резиденции патриарха в столичном Чистом переулке".

М.И. Одинцов приводит диалог Сталина с иерархами в более правдоподобной форме.

На вопрос Сталина "Когда можно будет собрать Собор?" митрополит Сергей ответил: "Думаю, в месяц управимся". Улыбнувшись, Сталин спросил: "А нельзя ли проявить большевистские темпы?" – Обернувшись к Карпову, добавил: "Как вы думаете?" - "Если помочь церкви транспортом, прежде всего самолетами (для доставки в Москву заключенных архиереев, - В.В.), то, думаю, дня через три-четыре можно собрать Собор", - ответил Карпов. "Так назначим дату 8 сентября", - заключил обсуждение Сталин.

На все просьбы трех митрополитов Сталин лишь повторял: "Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР".

На той же встрече в Кремле патриархии было выделено помещение в Чистом переулке, где до войны размещалось немецкое посольство.

Митрополит Сергей был под сильным впечатлением от встречи в Кремле (вполне возможно, что от двух встреч). Сохранилось свидетельство, что, несмотря на поздний час, Сергей ходил по своей маленькой комнате и о чем-то думал. Келейник архимандрит Иоанн (Разумов) вдруг услышал восторженные слова своего патрона: "Какой он добрый! Какой он добрый!" Келейник спросил: "Так он неверующий? Разве можно от такого ждать добра?" "А знаешь, Иоанн, - сказал Сергей, - кто добрый, у того в душе живет Бог".

На следующий же день утренние газеты вышли с сообщением ТАСС о встрече Сталина с митрополитами РПЦ МП. В этот же день митрополиты Сергей, Николай и Алексей написали "дорогому Иосифу Виссарионовичу" письмо с "благодарностью" за "исторический день свидания" и подчеркнули, что "Русская церковь никогда не забудет

того, что признанный всем миром Вождь – не только Сталинской Конституцией, но и личным участием в судьбах церкви - поднял дух всех церковных людей к еще более усиленной работе на благо дорогого Отечества".

Интронизация перед кончиною

8 сентября в Чистом переулке собрался Архиерейский собор РПЦ МП. Съехалось 19 иерархов. Предложение в качестве кандидата на патриарший престол избрать митрополита Сергия (Страгородского) было встречено единодушно. Норма Поместного Собора 1917-18 гг. избирать Патриарха путем жребия из трех кандидатов – была нарушена. В тот же день был избран и Священный синод при патриархе, состоявший из трех постоянных и трех временных членов.

12 сентября в Богоявленском кафедральном соборе состоялась интронизация новоизбранного патриарха РПЦ МП. Поздравительные послания по случаю своего избрания Сергей получил от Константинопольского, Александрийского и Антиохийского патриархов, что означало установление связей РПЦ МП с восточными поместными церквами. Тогда же, в сентябре 1943 года, в Москву прибыла делегация Англиканской церкви. Возобновилось издание "Журнала Московской патриархии", первый номер которого вышел 12 сентября 1943 года. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, на первых порах проходили весьма придирчивую редактуру патриарха Сергия. В октябре 1943 года патриарх направил Карпову письмо с просьбой об амнистии ряда иерархов, которых он хотел привлечь к церковной работе. Но, как выяснилось "по наведенным справкам", в разное время в местах заключения большая часть иерархии вымерла. Впоследствии стало ясно, что они были расстреляны. К концу 1943 г. патриархия осознала, что уступки государства оказались не такими значительными, как представлялось первоначально. Руководство страны стремилось в первую очередь сделать патриархию послушной частью советского режима. И не более того.

Чтобы несколько сгладить возможные претензии со стороны патриархии, Молотов подсказал Карпову идею отмечать дни рождения и юбилейные даты патриарха и других церковных деятелей. 24 января 1944 года, когда патриарху Сергию исполнилось 77 лет, во время праздничной трапезы при Елоховском соборе в зал вошел председатель совета Карпов. От имени правительства и от себя лично он пришел поздравить патриарха с днем рождения и преподнес ему, как пишет М.И. Одинцов, "просто царские по тому времени – почти на 30 тысяч рублей – подарки: разнообразные материалы и ткань для пошива одежды и облачения патриарха. Сергей был тронут... Как нельзя кстати пришлись принесенные для юбиляра коньяк, шампанское, икра, фрукты". Вдохновившись молотовской идеей, Карпов пошел дальше, предложив представлять к государственным наградам иерархов, духовенство и верующих активистов.

15 мая 1944 года от кровоизлияния в мозг скончался семидесятилетний Сергей (Страгородский), весь путь которого был полон различных компромиссов и уступок, соглашательской политики с властями и упрочения того церковного курса, который теперь принято называть "сергианством". После кончины Сергия этот курс превратился в целую систему повиновения властям с беспрекословным послушанием органам безопасности. Система не поощряла самостоятельной мысли, стремления к евангелизации "забывших Бога" соотечественников. Система поощряла лишь безгласных и безынициативных пастырей госцеркви. Эта система сохраняется и по сей день, прикрывая свою внутреннюю пустоту напыщенным и тягостным пафосом "креста патриаршего служения"...

<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=100469>.